

Конфликтология / nota bene

Правильная ссылка на статью:

Парланова А.Т. — Турция vs Египет в Восточном Средиземноморье // Конфликтология / nota bene. – 2023. – № 2. – С. 1 - 11. DOI: 10.7256/2454-0617.2023.2.40119 EDN: TYKDW URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=40119

Турция vs Египет в Восточном Средиземноморье

Парланова Айла Тельман Кызы

ORCID: 0000-0002-1459-2524

аспирант, факультет Международных отношений, Санкт-Петербургский государственный университет

191060, Россия, город федерального значения, г. Санкт-Петербург, ул. Смольного, 1/3, оф. подъезд №8

✉ parlanova@rambler.ru

[Статья из рубрики "Актуальные проблемы и направления развития современной конфликтологии"](#)

DOI:

10.7256/2454-0617.2023.2.40119

EDN:

TYKDW

Дата направления статьи в редакцию:

31-03-2023

Дата публикации:

07-04-2023

Аннотация: Объект исследования – внешнеполитическая стратегия Анкары. Предмет исследования – позиции Турции и Египта в регионе Восточного Средиземноморья. Цель – выявить возможность турецко-египетского союза в регионе после крайне напряженных отношений, зафиксированных с 2013 г., установления в Египте нового президента А.Ф. Ас-Сиси, идеологического антипода Р.Т. Эрдогана. Об актуальности исследования свидетельствуют изменения в риториках высших должностных лиц Турции и демонстрация готовности к выстраиванию диалога с Каиром. Особое внимание в работе уделяется позиции Анкары об установлении морских границ в Эгейском и Средиземном море на основе двусторонних соглашений. Методы исследования: анализ стратегий, официальных документов, логико-эвристический и системный методы, а также анализ политических событий в регионе. На основе анализа первоисточников (стратегий внешней политики 2020-2023 гг.) было выявлено: с 2020 г. регион Восточного Средиземноморья является основным вектором внешней политики Анкары. Как отмечается в отчетах Министерства энергетики и минеральных ресурсов, страна на 70 %

зависит от иностранных поставок энергоресурсов, что объясняет неуступчивую позицию Анкары в вопросе закрепления своего права на добычу газа из недр Восточного Средиземноморья. Попытки восстановить отношения с Египтом – геополитическая вынужденность. Однако Каир оказался в позиции конкурента Турции в стремлении превратиться в энергетический хаб при экспорте газа из Израиля в Европу. Египет придает вопросу энергетической безопасности первостепенное значение, что подтверждается стратегией Egypt Vision 2030. Наиболее выгодным для Египта является сохранение блока Египет-Израиль-Греция-Кипр. На основе проведенного исследования можно сделать вывод о крайне низкой вероятности турецко-египетского сближения. Выводы исследования могут учитываться при изучении и прогнозировании внешней политики Турции.

Ключевые слова:

Восточное Средиземноморье, Турция, Египет, энергетические ресурсы, Голубая Родина, Газовый форум, Эгейское море, континентальный шельф, морское право, энергетическая безопасность

Введение

С 2021 г. в стратегиях внешней политики Турецкой Республики Восточное Средиземноморье рассматривается как отдельный регион. После вступительных разделов в документах 2021-2023 гг. следует глава, посвященная Восточному Средиземноморью, т.е. региону придается первостепенное значение перед всеми направлениями внешней политики, что свидетельствует об актуальности проблемы.

В 2019 г., после обнаружения запасов нефти в Восточном Средиземноморье, Р.Т. Эрдоган подписал соглашения с ливийским ПНС (Правительством национального согласия) о военном сотрудничестве и демаркации морских границ, в соответствии с которыми Анкара стала претендовать на значительные территории в Средиземном море, богатые углеводородом. В противовес Турции был создан Газовый форум Восточного Средиземноморья. Штаб-квартира форума находится в Каире.

Несмотря на то что в Средиземноморье Турция и Египет находятся по разные стороны баррикад, с 2020 г., после восьми лет напряженных отношений между Турцией и Египтом, Р.Т. Эрдогана (президента Турции) и М. Чавушоглу (министра иностранных дел) в своих риториках демонстрируют готовность Анкары вести политический диалог с Каиром, что уже является значительным прорывом, т.к. с 2013 г., после свержения М.Мурси (представителя «Братьев мусульман», запрещенной в РФ организации) и с приходом к власти президента Ас-Сиси, идеологического врага Р.Т. Эрдогана, автоматически исключалась любая возможность интенсификации турецко-египетских отношений. Изменения в 2020 г. свидетельствуют о наличии глубокой стратегической выгоды, а также подтверждают актуальность проблемы.

В стратегии внешней политики Турции на 2020 г. отмечаются «глубокие исторические и гуманитарные связи» с Египтом. По величине товарооборота Египет является крупнейшим партнером Турции в Африке. В стратегии указывается, что несмотря на текущее состояние политических отношений Анкара «стремится сохранить торговые отношения и связи между двумя народами» [\[1, s.83\]](#). В стратегии на 2023 г. зафиксирован «значительный прогресс в нормализации двусторонних отношений с Египтом на основе

принципов уважения суверенитета и невмешательства во внутренние дела друг друга» [\[2, s. 24\]](#). При этом Египет рассматривается как государство Северной Африки, а не региональный игрок Восточного Средиземноморья. Возможно, это объясняется исторической практикой, т.к. со времен Османской Империи Египет представляется как часть Северной Африки. Вторая возможная интерпретация – это смещение фокуса на Африканский континент, где Египет может претендовать на роль регионального лидера, чтобы впоследствии добиться уступок в Восточном Средиземноморье.

Предмет данного исследования – позиции Турции и Египта в регионе Восточного Средиземноморья. Цель работы – на основе официальных доктрин рассмотреть позиции сторон и проанализировать возможность турецко-египетского сближения.

Интересам отдельных региональных и внешних акторов в Восточном Средиземноморье посвящено достаточное количество научных исследований, также изучены двусторонние отношения между Турцией и Грецией, Турцией и Египтом, Египтом и Грецией, Египтом и Израилем. Однако в отечественной литературе не исследована тема турецко-египетских двусторонних отношений в регионе.

Методы исследования: анализ стратегий, официальных документов, логико-эвристический и системный методы, а также анализ политических событий в регионе.

Восточное Средиземноморье. Позиция Турции

Для Турции проблема разграничения морских зон является вопросом восстановления исторической справедливости после Первой мировой войны. Территориальные вопросы и границы современной Турции были установлены Лозаннским мирным договором 1923 г., при этом часть островов в Эгейском море переходила под протекторат Италии. Вторая мировая войны изменила геополитическую ситуацию в регионе, Додеканесские острова перешли под суверенитет Греции, а с принятием Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. за счет этих островов расширился КШ (континентальный шельф) Греции. Конвенция ООН также наделила острова правом на формирование ИЭЗ (исключительной экономической зоны), в результате, морские зоны греческих островов, находящихся в непосредственной близости от турецкого берега, сомкнулись с идентичными зонами Турецкой Республики. Признание положений конвенции означало бы для Турции отказ от большей части акватории, воздушного пространства, дна и недр Эгейского моря, которое фактически превращалось во внутригреческое. Турция не подписала Конвенцию, и при решении вопроса делимитации границ Анкара ссылается на принцип «естественного продолжения» сухопутной территории прибрежного государства, в соответствии с которым часть греческих островов Эгейского моря считаются «продолжением» анатолийской суши [\[3, с. 475-477\]](#). Кроме того, несмотря на частую критику Лозаннского мирного договора 1923 г. со стороны действующей власти Турции, именно в соответствии с этим договором, «острова, расположенные менее чем в трех морских милях от азиатского побережья, остаются под суверенитетом Турции» [\[4\]](#), но при этом сохраняется возможность установления новых границ на основе двусторонних соглашений при соблюдении принципа «справедливости». В стратегии внешней политики Турции на 2021 г. в очередной раз не признается право Греции на расширение своих территориальных вод до 12 миль, отмечается незаконность действий Греции на «островках и рифах», принадлежность которых все еще «не установлена международным правом», в частности, упоминается «нарушение демилитаризованного статуса островов на востоке Эгейского моря» [\[5, s.7\]](#).

Открытие месторождений газа повысило экономическую привлекательность

Средиземноморья. В 2004 г. Севильский университет (Испания) представил «Севильскую карту», в которой определялась морская граница ЕС. Основное недовольство Турции вызвало то, что греческий о. Кастелоризо (тур. Меис), находящийся в непосредственной близости от турецкого порта Каш, при формировании ИЭЗ и КШ позволяет Афинам претендовать на обширное морское пространство между о. Родос и Республикой Кипр, тем самым заблокировав единственный доступ Турции в Средиземное море [\[6, p.8\]](#). В стратегии внешней политики Турции на 2021 г. определяется цель: добиться непризнания Севильской карты со стороны ЕС и США и демилитаризации о. Кастелоризо (тур. Меис) [\[5, s. 8\]](#).

Теоретическим оформлением претензий Анкары на более ранних этапах стала концепция «Голубая родина», сформулированная в 2006 г. турецким адмиралом Джемом Гюрденизом и доработанная командующим турецким ВМФ Джихатом Яйджи. По мнению российских исследователей, концепция была также выдвинута в качестве ответа на решение Республики Кипр выдавать лицензии на разведку углеводородов в зонах, которые она считала находящимися под своей юрисдикцией [\[7, с. 110-112\]](#). Конечный смысл «Голубой родины» заключается в расширении морских границ Турции в Средиземном, Черном и Эгейском морях и превращении страны в морскую державу, «владычицу» морей и «держательницу ключей к стратегически важным Босфору и Дарданеллам» [\[8, с. 28-30\]](#).

В концепции «Голубая родина» в очередной раз заявляется о непризнании Конвенции ООН по морскому праву. Греческие острова в Эгейском море, в частности о. Кастелоризо, рассматриваются как часть КШ Анатолии, следовательно, Турция не признает их право на формирование самостоятельных морских зон. Кроме того, требуется демилитаризация этих островов. По мнению Джихата Яйджи, положения Конвенции ООН не могут быть применены в Восточном Средиземноморье, т.к. 200-мильная ИЭЗ не имеет смысла в замкнутом пространстве, усеянном островами [\[9, p. 150-151\]](#). Как было отмечено выше, предлагается установление морской юрисдикции в Средиземном море путем заключения двусторонних соглашений. В результате, в 2011 г. было подписано соглашение об установлении ИЭЗ с Северным Кипром [\[10, с. 430\]](#).

В 2016 г. концепция «Голубая родина» превращается в официальную доктрину Анкары. После попытки военного переворота в Турции во внешнеполитической стратегии Анкары происходит переориентация на усиление военного аспекта и преобладание односторонних и рискованных действий [\[11\]](#).

Кульминацией реализации доктрины стало вышеупомянутое соглашение о разграничении морских пространств в 2019 г. между Турцией и Ливией. При делимитации границ в соответствии с данным соглашением не учитывались морские зоны греческих островов, это означает, что Восточно-средиземноморский газопровод (EastMed) проходил бы по КШ Турции, а не Греции и Кипра, как подразумевалось в соответствии с проектом строительства газопровода [\[3, с. 475-476\]](#). В результате, несмотря на то что Турция не является частью проекта EastMed, именно из-за разногласий с Анкарой проект был заморожен, что подтверждается в стратегиях внешней политики на 2022 и 2023 гг.: «Платформа или проекты, не учитывающие наши (турецкие) интересы в регионе, обречены на провал» [\[12, s. 5\]](#).

В соответствии со стратегией внешней политики на 2020 г., цель Анкары в Восточном Средиземноморье – справедливый раздел углеводородных ресурсов региона [\[1, s. 6\]](#). С

2020 г. Турция начала активную разведку газовых месторождений, находящихся, как считают в Греции, под юрисдикцией Афин. Турция входит в десятку крупнейших импортеров газа, за счет собственных источников покрывается не более 30 % совокупного спроса на энергоресурсы [\[13, s. 210\]](#). В соответствии с отчетом Министерства энергетики и минеральных ресурсов Турции за 2022 г., для сокращения иностранной зависимости необходимо «ускорение темпов разведки и добычи нефти и природного газа, особенно в морских зонах» [\[13, s. 34\]](#). Достижение независимости в энергетической сфере является вопросом национальной безопасности, чем объясняется неуступчивая позиция Анкары в регионе Восточного Средиземноморья.

Как государства ЕС, так и Восточного Средиземноморья не признали турецко-ливийское соглашение. В стратегии внешней политики на 2020 г. отмечается: «Отношение ЕС к нашей деятельности по разведке углеводородов в Восточном Средиземноморье нанесли серьезный ущерб нашим отношениям и усугубили кризис доверия, возникший после попытки государственного переворота 15 июля <...> Никакое давление со стороны третьих сторон, особенно Европейского союза, не изменит нашей решимости защищать законные права нашей страны и турок-киприотов в Восточном Средиземноморье» [\[1, s. 29-33\]](#).

В условиях политической блокады (непризнания турецко-ливийской делимитации границ) Турции наиболее логичным представляется выстраивание новой стратегии на основе системы двусторонних взаимоотношений с государствами региона, чем и объясняются попытки Анкары восстановить отношения с Египтом.

Восточное Средиземноморье. Интересы Египта

15 января 2019 г., в противовес Турции, Египет, Израиль, Кипр, Греция, Италия, Иордания и Палестина объявили о создании Газового форума стран Восточного Средиземноморья (East Mediterranean Gaz Forum, EMGF), который позволит консолидировать усилия для разработки единой газовой политики в регионе [\[14, с. 65-66\]](#). В 2021 г. в качестве полноправного члена к форуму присоединилась Франция. Штаб-квартира форума находится в Каире.

В 2015 г. в ИЭЗ Египта было обнаружено месторождение углеводородов «Зохран», что позволило Каиру к 2021 г. не только удовлетворить спрос на внутреннем рынке, но и экспортировать газ на европейские рынки [\[7, с. 110-111\]](#). Кроме того, Египет может стать транзитным хабом для экспорта восточносредиземноморского газа, с этой целью заключено соглашение с Израилем и Кипром о поставках газа в Египет для внутреннего потребления, с возможностью реэкспорта.

В соответствии со стратегией Egypt Vision 2030, достижения энергетической безопасности является одной из четырех основных составляющих устойчивого развития экономики [\[15, с. 86-104\]](#). Несмотря на то что целью на 2030 г. является сокращение доли природного газа при выработке электроэнергии до 27%, в настоящее время данный показатель достигает 91%, т.е. спрос на газ по-прежнему высокий [\[16, p. 18\]](#).

Дополнительным драйвером для поддержания энергетической безопасности является противостояние с Эфиопией вокруг ГЭС «Хидасе». Полное заполнение водохранилища ГЭС может создать угрозу для энергетической безопасности, т.к. в этом случае Египет будет недополучать значительную часть водных ресурсов, что скажется на работе Асуанской ГЭС [\[17\]](#). Для внешних акторов ГЭС Хидасэ в Эфиопии – дополнительный рычаг

воздействия на Египет, контролирующий Суэцкий канал.

Таким образом, вопрос участия в проектах в Восточном Средиземноморье, заключение соглашений в области энергетики со странами региона является вопросом не только энергетической, но и в целом национальной безопасности.

Цель Анкары – установить границу между ИЭЗ Турции и Египта, в обход морских зон греческого о. Кастелоризо [\[18, с. 84-86\]](#). Выполнить данную цель не удалось. В августе 2020 г. Египет и Греция подписали соглашение о частичной демаркации морских границ и установлении ИЭЗ. Турция отказалась признавать данное соглашение, заявляя о том, что граница проходит по морской зоне Ливии, т.е. египетско-греческое соглашение отменяет турецко-ливийские договоренности 2019 г.

Египет, как Греция и Кипр, представляется конкурентом в вопросе экспорта израильского газа. Несмотря на то что Турция может предоставить более короткий и экономически выгодный маршрут, соглашение с Израилем в данной области маловероятно. Анкара не представляется надежным партнером, т.к. вектор развития двусторонних отношений может измениться мгновенно в случае ухудшения ситуации на палестино-израильском треке. Большинство израильских экспертов также сходятся во мнении о невозможности сотрудничества Турции и Израиля в Восточном Средиземноморье [\[19, с. 211-215\]](#). Следовательно, распад блока Египет-Израиль-Греция-Кипр в ближайшее время не предвидится.

Несмотря на попытки Турции нормализовать отношения с Каиром, президент Египта А.Ф. Ас-Сиси все еще представляет Р.Т. Эрдогана своим основным идеологическим антиподом в регионе. Ситуацию усугубляет расстановка сил в Ливии. В 2019 г. Ливийская национальная армия (ЛНА) во главе с Х. Хафтаром начали наступление на Триполи. В ответ, ПНС Ливии во главе с Ф. Сараджем заключило соглашение с Турцией о военном сотрудничестве и размещении турецкого контингента в Ливии. В результате Х. Хафтар обратился к президенту Египта с просьбой оказать военную помощь. Поддерживая Х. Хафтара и противодействуя турецкому проникновению в Ливию, А.Ф. Ас-Сиси стремится не допустить усиления «Братьев мусульман» (организация, запрещенная в РФ). Именно эта организация считается наиболее лояльной Турции политической силой на Ближнем Востоке и одновременно основным врагом режима Ас-Сиси. Если Х. Хафтар захватит Триполи, Турция потеряет своего единственного союзника в регионе и претендовать на добычу углеводородов в Восточном Средиземноморье станет еще сложнее [\[20, с. 101\]](#).

Сложилась ситуация, когда ни одна из сторон (Турция и Египет) не может пойти на уступки. Следовательно, несмотря на то что Анкара публично заявила в 2020 г. о возможности двустороннего сближения, практически данный сценарий представляется невозможным.

Заключение

Таким образом, регион Восточного Средиземноморья с 2020 г. является приоритетным направлением внешней политики Анкары. Данный вывод был сделан на основе стратегий внешней политики Турецкой Республики 2020-2023 гг.

Непризнание права Греции на расширение территориальных вод не ограничивается декларацией данной позиции, и имеет практическое воплощение и серьезные последствия в регионе. Турецко-ливийские соглашения 2019 г. представляют собой дополнительное препятствие при реализации проекта газопровода EastMed. В стратегиях внешней политики Турции на 2022 именно позиция Анкары рассматривается

как основная причина заморозки проекта.

В соответствии с отчетом Министерства энергетики и минеральных ресурсов Турции за 2022 г., 70 % потребляемых в Турции энергоресурсов импортируются. Энергетическая безопасность Турции на сегодняшний день является основной составляющей национальной безопасности, поэтому в Восточном Средиземноморье Анкара занимает неуступчивую позицию.

Политическая блокада Турции (непризнание турецко-ливийской делимитации границ) вынуждает искать новых союзников, чем объясняются изменения в риторике высших должностных лиц Турции в вопросе турецко-египетских отношений.

Египет является участником Газового форума стран Восточного Средиземноморья, который был создан в противовес Турции. Кроме того, как Египет, так и Турция, преследует цель превращения страны в энергетический хаб при экспорте ресурсов Ближнего Востока. В связи с высоким внутренним спросом на газ, а также с запуском работы ГЭС Эфиопии «Хидасэ» энергетический вопрос является вопросом национальной безопасности, что подтверждается стратегией Egypt Vision 2030. Таким образом, сложилась среда, в которой Анкара и Каир являются основными конкурентами в Восточном Средиземноморье.

Ливийский вопрос, где Египет и Турция находятся по разные стороны баррикад, демонстрирует невозможность турецко-египетского сближения, т.к. ни одна из сторон не может изменить свои позиции. Для Анкары Ливия во главе с Ф. Сараджем – единственная возможность законно добывать ресурсы в недрах Средиземноморья. Для Египта, в свою очередь, усиление Х. Хафтара – гарант сдерживания «Братьев мусульман» (организация запрещена в РФ), политических врагов президента А.Ф. Ас-Сиси.

Сценарий турецко-египетского сближения в ближайшее время не предвидится. Выводы данного исследования могут учитываться при изучении и прогнозировании внешней политики Турции на мировой арене.

Библиография

1. Çavuşoğlu M. 2020 GİRERKEN GİRİŞİMCİ VE İNSANİ DİŞ POLİTİKAMIZ // T.C. Dışişleri Bakanlığı. 18.11.2019. 195 s.
2. -2023 GİRERKEN GİRİŞİMCİ VE İNSANİ DİŞ POLİTİKAMIZ // T.C. Dışişleri Bakanlığı. 2022. 75 s.
3. Гудев П.А. Основы турецких притязаний в Восточном Средиземноморье // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. 2021. Т. 21. №3. С. 472-486.
4. Treaty of Peace with Turkey Signed at Lausanne // World War I Document Archive. July 24, 1923. URL: https://wwi.lib.byu.edu/index.php/Treaty_of_Lausanne
5. Çavuşoğlu M. 2021 GİRERKEN GİRİŞİMCİ VE İNSANİ DİŞ POLİTİKAMIZ // T.C. Dışişleri Bakanlığı. 78 s.
6. Denizeau A. Mavi Vatan, the "Blue Homeland": The Origins, Influences and Limits of an Ambitious Doctrine for Turkey // Etudes de l'Ifri. April 2021. 29 p.
7. Гудев П., Ибрагимов И., Квашнин Ю. [и др.] Восточное Средиземноморье в поисках нового баланса интересов // Международные процессы. 2021. Т. 19. №3 (66). С. 104-122.
8. Власова К.В. Греко-турецкое противостояние и его влияние на регион Восточного

- Средиземноморья // Современная Европа. 2021. №3 (103). С. 27-37.
9. Yaycı С., Doğu Akdeniz'in Paylaşım Mücadelesi ve Türkiye // İstanbul: Kırmızı Kedi, 2020. 184 p.
  10. Агазаде М.М. Большой Средиземноморский региональный комплекс безопасности: миф или реальность? // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. 2021. Т. 21. №3. С. 429-440.
  11. Кулиева Н. От «стратегической глубины» к «голубой родине»: новая турецкая политика в Восточном Средиземноморье // РСМД. 13.08.2020. Режим доступа: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/sandbox/ot-strategicheskoy-glubiny-k-goluboy-rodine-novaya-turetskaya-politika-v-vostochnom-sredizemnomore/>
  12. Çavuşoğlu М. 2022 Giderken Girişimci ve İnsani Dış Politikamız // Т.С. Dışişleri Bakanlığı. 55 s.
  13. Faaliyet Raporu // Т.С. Enerji ve Tabii Kaynaklar Bakanlığı. 228 s.
  14. Горбунова Н.М., Иванова И.И. Борьба за шельф Восточного Средиземноморья: итоги и перспективы // Вестник Института востоковедения РАН. 2020. №2 (12). С. 64-79.
  15. Волков С.Н., Шарова А.Ю. Роль электроэнергетики в экономическом развитии Египта // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2018. Т. 11. № 5. С. 86-104.
  16. Sustainable Development Strategy (SDS): Egypt Vision 2030 // Gov.eg. 37 p.
  17. Бочаров М., Бочаров И. Зеленое солнце пустыни // РСМД. 31.10.2022. Режим доступа: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/zelenoe-solntse-pustyni/>
  18. Маркетос Т. Глобальные и региональные акторы в «Геополитической толкучке» вокруг энергоресурсов Восточного Средиземноморья: США, Россия, Израиль, Турция, Иран // Центральная Азия и Кавказ. 2013. Т. 16. №1. С. 80-88.
  19. Корочкина В. А. Израильские эксперты о межгосударственных отношениях Турции и Израиля на современном этапе // Восточная аналитика. 2020. №4. С. 211-215.
  20. Иванова И.И. Политика Турции в отношении Египта в годы правления партии справедливости и развития // Институт востоковедения РАН. 2022. №8. С. 88-108.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

1. Тема статьи «Турция – Египет в Восточном Средиземноморье» (далее - Произведение) релевантна специализации журнала Конфликтология / nota bene (далее - Журнал).
2. Тема Произведения, несомненно, актуально, содержание соответствует названию, но заголовок «Турция vs Египет в Восточном Средиземноморье на современном этапе», вероятно, точнее отразило бы содержание исследования. Во Введении предмет исследования определен не достаточно четко, отсутствует описание актуальности и методологии. При этом поставленная в Произведении задача «на основе официальных доктрин рассмотреть позиции сторон в Восточном Средиземноморье и проанализировать возможность турецко-египетского сближения», на наш взгляд, практически реализована.
3. Качество выводов и научной аргументации в Произведении вполне соответствует требованиям, предъявляемым к научным публикациям, выводы имеют практическое

значение. Научная новизна Произведения в тексте не отражена. Основные выводы логически основаны на тексте Произведения. Достоверность выводов обоснована и подтверждена адекватным ссылочным аппаратом.

4. В Произведении дается историческая ретроспектива, подтвержденная авторитетными источниками авторства российских исследователей, разграничения морских зон в Восточном Средиземноморье в период после Второй Мировой войны и формирования в взаимосвязанного с этим современного регионального противостояния в связи с непризнанием Турцией Конвенции ООН по морскому праву. Степень исследования проблемы дается не локально, а раскрывается автором на протяжении всего текста Произведения, в тексте присутствует анализ полученных результатов с апелляцией к оппонентам в достаточном для академических статей объеме.

Особый интерес, на наш взгляд, представляет освещение в Произведении энергетической составляющей темы исследования, а именно актуализация проблематики в связи с открытием месторождений газа, что «повысило экономическую привлекательность Средиземноморья» и еще больше обострила конфликтный потенциал в регионе.

Научная литература и источники, использованные автором Произведения, с точки зрения их релевантности, полностью соответствуют проблематике исследования и достаточны для раскрытия темы. Библиографический список состоит из 20 источников на русском и турецком языках, среди которых достаточный объем современных публикаций в рецензируемых научных изданиях.

6. Оформление работы не соответствует требованиям, предъявляемым к подготовке академических журнальных статей: отсутствуют некоторые необходимые структурные элементы, а именно, посвященные актуальности темы исследования, анализу состояния вопроса, методике исследования. При этом объем основной части текста соответствует требованиям Журнала и достаточен для реализации заявленной цели.

Стиль изложения Произведения академический, лингвостилистические характеристики научные, текст информационно насыщенный. Оформление текста, ссылочного аппарата и библиографического списка, как указывалось выше, необходимо доработать в соответствии с требованиями Журнала.

При всех достоинствах Произведения, в тексте присутствуют недочеты, не :

- Некорректное оформление аббревиатур. Согласно правилам, при первом упоминании в тексте статьи слова или словосочетания, подлежащего сокращению, должно быть приведено его полное название с указанием в скобках сокращенного названия или аббревиатуры, а при последующих упоминаниях необходимо употреблять сокращенное название или аббревиатуру. В тексте произведения, в некоторых случаях, наблюдается обратная последовательность оформления: «ПНС (Правительством национального согласия)», «ИЭЗ (исключительной экономической зоны)», «ИЭЗ (исключительной экономической зоны)», «КШ (континентального шельфа)» и т.д.

- Произведение, несомненно, выиграло бы, если бы на тщательно анализируемые в тексте официальные документы приводилась постраничная ссылка на полный текст соответствующего документа. А именно: Конвенция ООН по морскому праву 1982 г., стратегии внешней политики Турецкой Республики 2020-2023 гг. , т.н. «Севильская карта»,

концепция «Голубая родина» от 2006 г., соглашение об установлении исключительной экономической зоны с Северным Кипром, турецко-ливийские соглашения от 2019 г.

- Требуется пояснение высказывание: «в 2016 г., после попытки военного переворота в Турции, концепция «Голубая родина» превращается в официальную доктрину Анкары». На чем основано это утверждение?

- Также необходимо хотя бы кратко обозначить в тексте при первом упоминании в чем заключалась и кем осуществлялась «политическая блокада Турции», а также период.

- В тексте присутствуют опечатки: «вопрос участиЕ в проектах...», «изменения в риторикИ высших должностных лиц», «ливийский вопрос, где Египет и ТурциИ находятся по разные стороны баррикад...».

Фразу «кроме того, Египет, как и Турция», вероятно, лучше построить с употреблением оборота «как..., так и...».

8. Содержание Произведения основано тщательном исследовании на актуальную тему. Результаты исследования имеют несомненную практическую значимость и представляют интерес для научного сообщества с точки зрения развития вклада в развитие науки.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Данная статья посвящена рассмотрению отдельных аспектов противостояния Турции и Египта в регионе Восточного Средиземноморье, их внешнеполитическим концепциям и стратегиям развития.

Актуальность предполагаемого исследования должным образом не описана, автор начинает публикацию с описания преамбул внешнеполитических доктрин двух государств, не акцентируя внимания на общих конфигурациях и балансе сил на Ближнем Востоке, игнорируя международный политический контекст. Таким образом, важность и значимость данной проблематики в исследовании не раскрывается.

Общая целевая установка, как и предмет, объект исследования тоже четко не сформулированы, автор лишь подчеркивает, что стремится найти общие точки соприкосновения двух государств, на основе которых могли бы быть выстроены гармоничные взаимоотношения. Вместе с тем, методология исследования, которая позволила бы прийти к подобным результатам совершенно не описана, автор лишь обозначает интенцию сравнения двух официальных (игнорируя между тем реальные и прагматичные) доктрин изучаемых стран. Структура публикации имеет в большей степени формальный характер и не содержит обстоятельной методологической части и части, описывающей гипотезы и результаты аналитического исследования.

Вместе с тем, статья однозначно содержит хороший описательный задел, который в диахронной перспективе описывает интересы обоих государств в Восточном Средиземноморье, однако совершенно неясно, в чем конкретно заключается представляемая автором новизна исследования. Совершенно не анализируется современный политический дискурс, материалы СМИ, позиции публичных деятелей и общественных лидеров, которые транслировались бы в публичных каналах. На основании нескольких документов, пусть и политико-правовых и стратегических, невозможно сделать адекватные выводы относительно того, как державы совершенно различной идеологической и культурной направленности в реальности реализуют внешнюю политику в обозначаемом регионе.

Рекомендуется также усилить акценты на внешнеполитической деятельности Турции и Египта в отношении других локальных игроков. Также рекомендуется раскрыть внутренний экономический и стратегический потенциал исследуемых стран в их связи с внешнеполитической деятельностью. Выводы в том виде, в котором они сформулированы автором в настоящий момент носят банальный характер.

Относительно языка научной публикации необходимо отметить также, что автор

использует не вполне научные и необоснованные, неподкрепленные данными, высказывания, например: "Несмотря на то что в Средиземноморье Турция и Египет находятся по разные стороны баррикад".

Автором также нарушены требования, предъявляемые к оформлению списка литературы и ссылок на источники, рекомендуется убрать из текста полные названия источников. В отношении используемой автором литературы также явно наблюдается, что автор детально не прорабатывает каждый источник в отдельности. Таким образом, статья может быть рекомендована.